
ДОЛГ РОДА
ХОРИ
Виктория Феоктистова
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Виктория Феоктистова

Долг рода Хори

https://litres.ru/74740157
SelfPub; 2026

Аннотация

Выполняя последнюю волю бабушки, с виду благополучная городская семья невольно нарушает хрупкую границу между мирами. Теперь древний дух священной скалы Шаманки требует то, что было обещано ему родом Хори много поколений назад. Чтобы понять, в чём их долг и как его отдать, не потеряв себя, и возможно даже полностью изменившись, Гэсэру, Арьяне и Виоле придётся погрузиться в забытый ужас, от которого их тщательно оберегала бабушка Дулма.

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Усопшая 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Виктория Феоктистова
Долг рода Хори

Пролог

Дай нам жизнь. Пусть рыба придет в наши сети, пусть звери выйдут на охотника. Пусть ягода растет под ногами. Спаси наших детей и скот. А мы отдадим тебе первую добычу каждой весны и перворожденного каждого третьего поколения, чтобы служить тебе в мире духов.

Глава 1. Усопшая

Дулма умирала так же тихо, как жила последние двадцать лет в панельной пятиэтажке на окраине Улан-Удэ. Не так как она хотела, попрощаться с жизнью в своей родной бурятской деревне на берегу Байкала, где воздух пах можжевельником и влажным камнем. Она уходила в «трёшке» с запашком лекарств, перебивающим дорогую отдушку японского ухода за кожей и пудровый парфюм, который, намертво впитался в стены. Она лежала на диване, укрытая до подбородка знакомым до дыр шерстяным пледом цвета охры, оттенка бескрайней Иволгинской степи поздней осенью. Руки ее лежали на животе, в них были вложены деревянные коричневые четки с кисточками на концах. Лицо ее морщинистое, сухое, исписанное временем, хранило таинственную отрешенность. Глаза, когда-то темные и живые, теперь же потускнели, ушли далеко внутрь, в миры теней. Они смотрели поверх плачущей дочери Арьяны, поверх ссутулившегося у балкона зятя Гэсэра, куда-то в угол комнаты, где на обоях с цветочным узором висела вышитая шелком тханка. Изображение Будды Шакьямуни, сидящего в позе лотоса, потускнело от времени, золотые нити потемнели, но сам лик казался вечным и непроницаемым. Рядом с ней на журнальном столике лежала трубка и табак. Врачи разводили руками еще месяц назад. Возраст, прогрессирующая сердечная недоста-

точность. Впрочем, ничего нового. Но Арьяна знала, что ее мать просто решила уйти. Ее жизненные силы, как вода из треснувшего кувшина на тумбе, утекали с каждым днем, и она не пыталась их удержать. Дулма отказывалась от больницы, от капельниц, только просила пить и смотрела в окно на серое небо провинциального города. Смотрела, будто ждала знака. Сейчас дыхание ее стало прерывистым, тихим свистом в почти безвоздушном пространстве. Каждый вдох был маленькой победой над поджидающей у порога смертью. Арьяна сидела на краю дивана, сжимая в своих теплых, ухоженных руках с нюдовым маникюром холодную, скукожившуюся, почти невесомую кисть матери.

— Мама… — выдохнула она. Слова кончились неделю назад. Остались только родные взгляды с придыханием и прикосновения рук.

Гэсэр стоял на балконе, посматривая на дорогие, элитные часы на руке, и нервно переминаясь с ноги на ногу, как бык в слишком тесном загоне. Он опёрся руками о балконную перекладину, и одну руку держал в кармане брюк, как будто ждал сигнала, что уже можно. Пальцы сминали пачку сигарет, хотя глава семейства давно уже бросил курить, по крайней мере, его домочадцам было подано это так. Он не знал, как себя вести в застывшей драме матери и дочери. Умирающая женщина, его теща, всегда считалась для него молчаливой загадкой. Она была в семье, но не принадлежала ему. Ее мир состоял из молитв на забытом для него языке, дол-

гих созерцаний в кресле и странных запретов, вроде того, что не болтать попусту или не брать чужое без разрешения. Она же смотрела на его мир, состоящий из контрактов на перевозку леса, логистических схем и сухих переговоров с легким недоумением. Он ощущал себя в ее квартире, на ее балконе, совершенно лишним, грубым, неуклюжим булыжником, случайно упавшим в тонкую, давно сплетенную паутину невысказанных семейных историй. Его собственная бурятская кровь, разбавленная и забытая где-то на пути из села в город, предательски молчала в нем, не давая ключа к ее тайне. Да и он скорее всего сопротивлялся. Даже Виола, его дочь, оторвалась от фронтальной камеры. Сначала палец, скользивший по экрану, чтобы сменить фильтр, замер, потом она медленно опустила руку, и телефон безжизненно повис в ее ладони, упираясь краем в бедро. Она стояла в дверном проеме, прислонившись к косяку всем телом, будто он был единственной опорой в шатком подростковом бытии. Плечо, прижатое к дереву, впивалось в него костью. Вторая нога, чуть согнутая в колене, носком ботинка упиралась в пол, готовая в любой момент оттолкнуться и уйти. Другая рука поднялась будто сама собой и потянулась к лицу. Кончики пальцев, украшенные облупившимся синим лаком, коснулись виска, нащупали прядь черных волос (натуральный русый был загублен месяц назад в порыве слепого бунта) и начали накручивать ее на палец, туго-натуго, пока не побелела кожа. Взгляд ее, широко открытый, скользнул

по комнате, по лицу матери, спине отца, и, сделав дугу, упал на бабушку на диване, но не задержался. Он отскочил, как от раскаленной плиты, уперся в узор на ковре, пополз по трещинке на обоях, нашел пристанище в пылинке, танцующей в полосе света от окна. Любой предмет был лучше, чем это тихое, втягивающее щеки лицо на подушке. Она сглотнула, и гортань резко и болезненно дернулась у нее на тонкой шее. Пахло лекарствами, старыми книгами и чем-то еще, сладковатым и тяжелым, отчего в горле вставал колючий ком. Она втянула носом воздух, будто пробуя его на вкус, и морщинка промелькнула меж тонко выщипанных, местами подрисованных бровей. То были совсем на псевдо готичные ароматы из ее флакончиков. Пахло по-настоящему. Нещадно. Дулма медленно, с титаническим усилием, повернула голову на подушке. Ее взгляд, казалось, продирался сквозь толщу лет и расстояния, возвращаясь из той дали, куда он уже почти уплыл. Она обвела глазами лица своих близких: дочь, с ее заплаканным, но все еще идеально подведенным взглядом; зятя, в его дорогом, но как будто сковывающем движения пиджаке; внучку, эту странную, бледную бабочку, застрявшую в паутине взрослых проблем. В ее взгляде не было ни страха, ни сожаления, а только лишь бесконечная усталость долгого пути. И в самой глубине, не видимой простым смертным взглядом, на миг проявилась несгибаемая, каменная решимость, последняя вспышка воли перед тем, как погаснуть навсегда. Губы ее, сухие и сильно потрескавшиеся, шевельну-

лись. Звука не было слышно, а только слабое движение воздуха. Арьяна прильнула к ней так близко, что почувствовала сладковато-горький противный запах уходящей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.